

A detailed illustration of a post-apocalyptic landscape. In the foreground, a person with reddish-brown hair, wearing a brown leather jacket and a backpack, stands with their back to the viewer, looking out over a valley. The valley is filled with green hills, a small town, and a rainbow in the distance. In the background, there are blue mountains under a cloudy sky. On either side of the person, there are ruins of old stone buildings, some with arches and windows. The overall tone is somber yet hopeful.

Сергей Патрушев

Последний выживший на Земле

Сергей Патрушев

Последний выживший на Земле

«Автор»

2026

Патрушев С.

Последний выживший на Земле / С. Патрушев — «Автор», 2026

Он остался один. Последний человек на опустевшей Земле, среди руин цивилизации, которую уже никогда не восстановить. Игорь бродит по мёртвым городам, где ветер гуляет в разбитых окнах, а трава пробивает асфальт, пытаясь найти хоть какой-то смысл в своем существовании. Но одиночество — только начало пути. На райском острове, куда забрасывает его судьба, он встретит тех, кто поможет ему заглянуть в самые глубокие бездны своей души: Бога, не дающего готовых ответов, ангела, шепчущего о прощении, демона, показывающего неприкрытую правду, и джинна, чьи дары оказываются совсем не тем, чем кажутся. Это роман-притча о вечном поиске себя, о тонкой грани между безумием и просветлением, о мужчинах и женщинах, которые так и не научились слышать друг друга при жизни. Это история о том, как обрести счастье в полном одиночестве, как найти свободу, отказавшись от желаний, и как принять свой конец со спокойной душой, когда за спиной — целая вечность. "Последний выживший на земле" — не постапокалипсис.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Последний выживший на Земле

В тот день небо над миром было такого цвета, будто кто-то вылил на холст остатки серой и синей краски и забыл их размешать. Солнце еще пыталось пробиться сквозь плотную пелену облаков, но лучи его были вялыми, обессиленными, словно им пришлось преодолеть тысячи лишних миль пустоты, чтобы коснуться остывающей земли. Игорь стоял на крыше высотного здания, единственного уцелевшего в этом районе, и смотрел на город, который больше не гудел, не дышал и не жил.

Ветер, вечный спутник одиночества, гулял по пустым проспектам, поднимая в воздух пыль, обрывки газет, которые никто никогда не прочтет, и сухие листья, занесенные сюда с давно одичавших парков. Он завывал в разбитых окнах, играл с рваными шторами, точно прозрачный хозяин, навещающий свои забытые владения. Тишина здесь была особенной – не мягкой и уютной, а звонкой, давящей на барабанные перепонки. Иногда Игорю казалось, что он слышит гул собственной крови, и этот звук был самым громким во всем мире.

Он спустился вниз по лестнице, стертой миллионами шагов когда-то, а теперь покрытой тонким слоем рыжей пыли и песка. Каждый шаг отдавался эхом, которое уходило вглубь подъезда и терялось где-то в темных провалах этажей. Внизу, в вестибюле, все еще висело большое зеркало, чудом уцелевшее в час крушения. Игорь остановился напротив него. Из мутной глубины на него смотрел человек с глубоко запавшими глазами, обветренным, загорелым лицом и длинными, давно не стриженными волосами, в которых запуталась серая дорожная пыль. Он не сразу узнал себя. Казалось, что по ту сторону стекла стоит кто-то другой, такой же одинокий странник, запертый в зазеркалье этого мертвого мира.

Он вышел на улицу. Асфальт потрескался, и сквозь разрывы в некогда монолитной броне города пробивались жесткие, упрямые стебли травы. Они прорывались везде: вдоль бордюров, у подножия фонарных столбов, на ступенях магазинов. Город медленно, но верно возвращали себе растения. Лианы дикого винограда уже оплели стены автобусной остановки, превратив ее в подобие зеленого шалаша. Воздух, лишенный выхлопных газов и заводского дыма, был кристально чист и прозрачен, пахло сырой землей, прелыми листьями и чем-то сладковатым – возможно, цветущей где-то неподалеку акацией.

Игорь шел по середине проспекта, туда, где когда-то с бешеной скоростью неслись автомобили. Теперь они стояли здесь же, превратившись в ржавые скелеты на колесах. Краска на их боках облупилась и потускнела, стекла были выбиты, сиденья порваны и выцвели. В одном из таких автомобилей, в детском кресле, все еще лежала маленькая плюшевая игрушка – заяц с одним ухом. Игорь отвернулся. Эти вещи – свидетельства внезапно оборвавшейся жизни – до сих пор ранили острее ножа.

Он свернул в арку двора. Когда-то здесь кипела жизнь: старушки сидели на лавочках, дети кричали в песочнице, из открытых окон пахло жареной картошкой и слышались голоса телеведущих. Теперь лавки прогнили и рухнули, песочница заросла бурьяном по самую кромку, а из окон торчали лишь пустые рамы, в которых гулял ветер. На балконе пятого этажа чудом уцелело белье – серая простыня, давно потерявшая цвет, полоскалась на ветру, как изможденный флаг капитуляции.

Под ногами хрустнуло стекло. Игорь посмотрел вниз. Среди битого кирпича и мусора блеснула золотом фотография в рамке. Он нагнулся и поднял ее. Пальцы провели по гладкой поверхности, стирая пыль. Снимок сохранился удивительно хорошо: молодая женщина с длинными русыми волосами улыбалась, прижимая к себе маленькую девочку с двумя смешными хвостиками. Глаза у обеих сияли таким живым, таким беззаботным счастьем, что у Игоря перехватило дыхание. Он долго смотрел на них, на эту застывшую во времени улыбку, на этот свет, который погас здесь навсегда, но продолжал жить на куске тонкого картона.

Он аккуратно положил фотографию на подоконник разбитого окна первого этажа, лицом вверх, к тому бледному небу. Пусть хоть кто-то смотрит на них. Пусть хоть ветер видит эту улыбку.

Где-то вдали, среди руин, раздался глухой звук – это рухнула еще одна стена, не выдержавшая напора времени. Игорь вздрогнул, но не обернулся. Он снова был один в этом огромном, молчаливом мире, где прошлое уже превратилось в миф, а будущее было таким же серым и зыбким, как это небо над головой. Он был не просто человеком. Он был живой памятью, последним сторожем на кладбище цивилизации, и груз этот был тяжелее всех камней, из которых когда-то были сложены эти мертвые стены.

Время здесь измерялось не часами и минутами, а чем-то совсем иным – длиной теней, что отбрасывали руины, или силой ветра, гуляющего по пустынным проспектам. Игорь давно перестал заводить часы, они висели на запястье мертвым грузом, их стрелки застыли навечно в четверти пятого, словно само время решило остановиться именно в этот миг, когда мир испустил последний вздох.

Одиночество не было темнотой, как он предполагал раньше. Оно было светом – слишком ярким, слишком беспощадным, высвечивающим каждую трещину в его собственной душе. В тишине, которая наступала с заходом солнца, он слышал не только стук своего сердца, но и то, как внутри него с кристальной ясностью звучат голоса прошлого. Они приходили без спроса, эти голоса, и уходить не торопились. Мать, что пела ему колыбельные, когда он был совсем мальчишкой, – теперь он слышал каждую ноту, каждое дыхание между словами. Отец, учивший его забивать гвозди и не бояться темноты, – сейчас его наставления звучали жестокой иронией. Друзья, чьи имена он боялся забыть и потому шептал их каждый вечер перед сном, как молитву.

Он научился разговаривать с вещами. По утрам он желал доброго утра старому ржавому чайнику, в котором кипятил воду из ближайшего пруда. Он извинялся перед дверью, если слишком сильно ее толкал. Он благодарил крышу своего убежища, когда та укрывала его от дождя. Вещи не отвечали, но в их молчании было больше участия, чем в пустоте, которая его окружала. Иногда ему казалось, что старая кирпичная стена напротив его окна начала понимать его с полуслова – он замечал, как меняется свет на ее шероховатой поверхности в ответ на его настроение.

Поначалу, в первые дни после конца, он кричал. Он выходил на середину проспекта и кричал что было сил, пока не садился голос, пока горло не начинало саднить. Он звал по именам всех, кого знал, и тех, кого не знал тоже. Он молил пустоту ответить, послать хоть какой-то знак, хоть эхо чужого голоса. Но пустота молчала, и эхо возвращалось только его собственным, искаженным расстоянием, насмешливым и жестоким. Со временем он перестал кричать. Он понял, что крик – это роскошь, которую он больше не может себе позволить. Крик разрушал

тишину, но тишина была единственным, что у него осталось, и он должен был беречь ее как зеницу ока.

Теперь он говорил шепотом. Даже с самим собой. Он комментировал свои действия едва слышно, чтобы не потревожить спящий город. «Сейчас я спущусь вниз», – шептал он, ступая на лестницу. «Пойду к реке за водой», – бормотал он, перешагивая через груды битого кирпича. Шепот был его компромиссом с реальностью, тонкой нитью, связывающей его с той эпохой, когда слова имели значение, когда их ждали, когда на них отвечали.

Самым страшным было не отсутствие людей. Самым страшным было отсутствие всего, что создавало людей. Не стало запаха свежего хлеба из пекарни на углу. Не стало детского смеха из школьного двора. Не стало шума троллейбусов, лязгающих на поворотах, и раздраженных гудков автомобилистов в час пик. Не стало того неуловимого, но такого живого гула, который издает любой город днем и ночью, гула, который так незаметен, пока он есть, и так невыносимо отсутствует, когда его нет. Теперь мир звучал как огромный, пустой собор, в котором затих орган, и осталось лишь эхо собственных шагов под высокими сводами.

Он начал коллекционировать звуки. Это было безумием, он знал, но разве мог безумный это осознавать? Он собирал банки, жестянки, пустые бутылки и раскладывал их так, чтобы ветер, задувая в разбитые окна, создавал мелодию. Каждый день она была разной – зависела от силы ветра и его направления. Иногда это был жалобный, тоскливый вой, напоминающий плач ребенка. Иногда – низкий, гулкий бас, от которого дрожали стены. Иногда – тонкий, стеклянный перезвон, почти прекрасный в своей хрупкой красоте. Игорь садился в углу комнаты, закрывал глаза и слушал. Это была музыка его мира, единственная симфония, написанная для одного слушателя.

Однажды он нашел зеркало. Не то, разбитое, в вестибюле, а маленькое, карманное, в старой дамской сумочке, брошенной в траве у парковой скамейки. Он долго смотрел на свое отражение, а потом заговорил с ним. Он спрашивал этого человека в зеркале, как прошел его день, не хочет ли он есть, не страшно ли ему по ночам. Отражение шевелило губами в ответ, но Игорь знал эти слова наизусть, потому что сам их произносил. Тогда он понял страшную вещь: он стал для себя самого иным. Он расщепился на того, кто говорит, и того, кто слушает, на того, кто действует, и того, кто наблюдает. Он был целым миром в одном лице, и в этом мире не было никого, кроме него.

Вечерами, когда солнце уходило за горизонт, окрашивая руины в багровые тона, одиночество становилось почти осязаемым. Оно ложилось на плечи тяжелым одеялом, от которого нельзя было укрыться. Оно заползало в мысли, в сны, в самые потаенные уголки сознания. Во сне к нему приходили люди – толпы людей, знакомых и незнакомых, они говорили, смеялись, спорили, и Игорь просыпался с улыбкой, протягивая руку, чтобы коснуться кого-то, и находил лишь пустоту. Эти пробуждения были хуже всего. Каждый раз он заново переживал смерть мира, каждое утро он открывал глаза и обнаруживал, что чудо не случилось, что он по-прежнему один.

Иногда ему казалось, что он слышит шаги за спиной. Резко обернувшись, он видел лишь пустую улицу, лишь колышущуюся на ветру траву, лишь собственный след на пыльной дороге. Сердце бешено колотилось, надежда вспыхивала и тут же гасла, оставляя после себя горький пепел разочарования. Он перестал верить в чудеса, но привычка надеяться въелась в него глубже, чем инстинкт самосохранения.

Ночью он вышел на крышу. Звезды над ним сияли так же ярко, как и тысячи лет назад, равнодушные к тому, что творилось внизу. Они горели для всех и ни для кого одновременно. Игорь смотрел на них, и ему казалось, что он единственный во вселенной, кто может их видеть. Эта мысль наполняла его одновременно гордостью и невыразимой тоской. Он был избранным, последним зрителем в театре, где погасли огни и разошлись актеры, а занавес упал навсегда.

Где-то в развалинах церкви, мимо которой он проходил днем, он заметил уцелевшую фреску. Лик святого смотрел на него с остатков стены, и в глазах этого святого была та же бесконечная печаль, что и в его собственных. Игорь долго стоял там, в тишине, под провалившимся куполом, и впервые за долгое время ему показалось, что он не один. Что кто-то невидимый стоит за его спиной и тоже смотрит на этот древний лик, на эти стертые временем краски, на этот мир, который стал одной большой иконой, написанной на руинах.

Теплый океан ласкал берег, и этот звук – мерный, убаюкивающий, вечный – был так непохож на завывание ветра в руинах города, что Игорь первое время не мог уснуть. Тишина здесь была иной. Она не давила на уши, не звенела пустотой, а была наполнена тысячами голосов: шелестом пальмовых листьев, плеском волн, стрекотом цикад, далеким криком невидимых птиц. Это была живая тишина, дышащая, и к ней приходилось привыкать заново, как привыкают к слишком мягкой постели после ночевки на голом бетоне.

Он нашел этот остров случайно, если только в мире, где не осталось навигации и карт, можно было найти что-то случайно. Просто однажды утром, выйдя из своего убежища на крыше, он увидел на горизонте полоску земли, которой не замечал раньше. Или, может быть, он просто не хотел ее замечать, боясь покинуть единственное, что стало привычным. Но тогда, в то утро, что-то щелкнуло в нем. Он спустился к воде, отвязал старенькую лодку с подвесным мотором, найденную им в полузатопленном гараже месяц назад, и просто поплыл навстречу этой тонкой линии между океаном и небом.

Остров встретил его буйством зелени. Пальмы здесь росли не отдельными деревьями, а настоящими рощами, их кроны смыкалисьверху, создавая живой шатер. Белый песок под ногами был таким мелким и мягким, что походил на сахарную пудру, рассыпанную по берегу невидимым гигантом. Вода у кромки берега была прозрачна до самого дна, и стайки разноцветных рыб шныряли между кораллами, не обращая на пришельца никакого внимания.

Первые дни он просто бродил по острову, не веря своим глазам. Здесь сохранились следы былой райской жизни – бунгало на сваях, уходящие прямо в воду, с прогнившими, но все еще изящными деревянными настилами. Ресепшн, где за стойкой до сих пор висело расписание дайвинг-туров, истлевшее и выцветшее на солнце. Ресторан с огромными окнами, выходящими на океан, где ветер теперь гулял свободно, разнося по залу сухие листья и перья чаек.

Игорь выбрал себе бунгало дальше всех от берега, то, что стояло на самой свае, и вода под ним была глубокого, почти чернильного синего цвета. Он вымел оттуда мусор, нашел уцелевший матрас в одном из закрытых номеров, притащил легкий стол и плетеное кресло, чудом не тронутые временем. По вечерам он сидел в этом кресле, свесив босые ноги сквозь перила, и смотрел, как солнце погружается в океан, окрашивая небо в такие цвета, названия которым он забыл.

Рай оказался не только красивым, но и щедрым. Кокосы валялись под ногами в таком количестве, что Игорь перестал их собирать, брал только те, что падали совсем рядом. В прозрачной воде у берега он научился ловить рыбу руками, загоняя ее в коралловые ловушки. Нашел манговые деревья с плодами, дикими и мелкими, но такими сладкими, что пальцы слипались. А однажды, исследуя кладовые ресторана, он обнаружил залежи консервов в герметичных упаковках, соль, перец горошком и даже несколько бутылок вина, переживших время в темном и прохладном подвале.

Он позволял себе роскошь, о которой не смел и мечтать в городе-призраке. Каждое утро он просыпался не от холода или страха, а от того, что солнце заливало его бунгало золотом, и волны пели свою бесконечную колыбельную. Он вставал, потягивался, делал несколько глотков кокосового молока прямо из ореха, а потом шел к океану. Он плавал долго, до онемения мышц, нырял, глядя на подводный мир, который жил своей жизнью, совершенно не нуждаясь в человеке.

Иногда он брал маску и трубку, найденную в одном из номеров, и уплывал далеко от берега, туда, где дно обрывалось в бездну. Он ложился на воду лицом вниз и смотрел в эту синюю бесконечность, чувствуя себя песчинкой над пропастью. Рыбы подплывали к нему, разглядывали его с любопытством и уплывали по своим делам. Он был для них просто еще одним странным существом, частью этого мира, и это принятие – без страха, без агрессии, без попыток уничтожить – было удивительно целительным.

Вечерами он разжигал костер прямо на песке, у самой кромки прибоя. Пламя плясало, отражаясь в воде, и Игорь жарил на углях рыбу, посыпая ее солью и перцем, запивая терпким, чуть кисловатым вином. Звезды здесь были такими же, как и везде, но казались ближе, ярче, словно океанское дыхание поднимало их выше. Он лежал на спине, глядя в это бесконечное небо, слушая океан и чувствуя, как из него уходит что-то тяжелое, что жило внутри годами, въелось в кости, отравляло каждую мысль.

Одиночество здесь не исчезло, оно никуда не делось. Но оно изменилось. Перестало быть врагом, пожирающим изнутри. Стало тихим соседом, который сидел рядом, но не мешал, не напоминал о себе каждую секунду. Здесь, среди этой тропической красоты, Игорь вдруг понял простую вещь: одиночество – это не отсутствие других. Одиночество – это отсутствие себя. А здесь, на этом забытом временем острове, он наконец-то начал себя находить.

В его бунгало появились книги. Он набрал их в полузатопленной библиотеке при отеле – потрепанные, пахнущие плесенью томики на разных языках. Он читал по вечерам при свете керосиновой лампы, тоже найденной в хозяйственных запасах. Читал вслух, смакуя слова, пробуя их на вкус. Голос его звучал странно в этой тропической идиллии, но это был его голос, он принадлежал ему, и он имел право звучать.

Иногда он танцевал. Просто так, под шум прибоя, обняв самого себя, делая неуклюжие па на песке. Луна светила так ярко, что отбрасывала тени, и Игорь видел, как его тень кружится в странном ритуале с тенями пальм. Он смеялся, запрокидывая голову, и смех этот уносил ветер в открытый океан, к рыбам, к кораллам, к той синей бездне, что начиналась сразу за рифом.

Райская жизнь оказалась возможной. Она была здесь, на этом клочке суши, где природа взяла свое, стерев почти все следы человеческой цивилизации, оставив лишь самые красивые декорации. Игорь чувствовал себя Адамом, но без Евы, и эта мысль больше не причиняла боли.

Он был просто человеком, живущим в самом прекрасном месте на земле, которое когда-либо видел. И этого было достаточно. Этого было более чем достаточно.

Это началось незаметно, как начинается большинство великих безумств – с маленькой трещины в реальности, которую разум поспешил заделать, сделать вид, что ничего не случилось. В то утро Игорь проснулся и впервые за долгое время не услышал океана. Волны по-прежнему накатывали на берег, он видел это сквозь приоткрытую дверь бунгало, но звук исчез. Абсолютная тишина стояла над островом, та самая, кладбищенская, которую он так хорошо знал по городу-призраку. Он затряс головой, ударил себя ладонями по ушам, и звук вернулся – хлынул мощным потоком, едва не оглушив. Игорь рассмеялся, облегченно выдохнул, списал всё на странный сон. Но трещина уже появилась, и через неё в его мир начал сочиться иной свет.

Через несколько дней он разговаривал с пальмой. Это был обычный разговор, он просто сидел под ней, прислонившись спиной к шершавому стволу, и рассказывал ей о том, как вчера видел дельфинов далеко в море. Пальма молчала, но её молчание показалось Игорю не пустым, а внимательным. Он даже почувствовал, как она слегка склонила свою крону, словно прислушиваясь. Это было приятно – иметь слушателя, который не перебивает, не смотрит с сочувствием или жалостью, просто принимает твои слова такими, какие они есть. Он стал приходить к этой пальме каждый вечер, называл её Матильдой и обижался, если ветер слишком сильно раскачивал её ветви, мешая беседе.

Потом появились голоса. Сначала тихие, на грани слышимости, они звучали где-то на периферии сознания, когда он засыпал или только просыпался. Игорь ловил обрывки фраз, отдельные слова, интонации, в которых угадывалось что-то знакомое. Он вскакивал, выбегал из бунгало, вглядывался в линию горизонта, надеясь увидеть корабль, лодку, хоть что-то. Океан был пуст. Голоса замолкали, оставляя после себя лишь звенящую пустоту и чувство невыразимой потери.

Однажды, бродя по острову, он наткнулся на свои собственные следы. Он шел по пляжу и вдруг увидел цепочку отпечатков ног, ведущую в том же направлении. Он ускорил шаг, следы тоже ускорились. Он остановился, следы оборвались там, где стоял он. Игорь долго смотрел на них, пытаясь понять, как такое возможно. Потом до него дошло: это были его следы, он просто шел по собственному маршруту, но в какой-то момент память подвела, и он решил, что здесь прошел кто-то другой. Он рассмеялся, но смех вышел нервным, надтреснутым, и эхо его заметалось между пальмами, многократно усиленное его собственным воображением.

Зеркала стали его врагами. Он убрал всё, в чем мог увидеть свое отражение – осколки стекла, полированные поверхности, даже темную воду в ведре, которую использовал для умывания. Потому что человек в отражении больше не был им. Этот незнакомец с дикими, горящими глазами, с всклокоченной бородой, в которой запутались сухие листья, с губами, постоянно шевелящимися в беззвучном разговоре – он пугал Игоря до холодного пота. Иногда этот человек ухмылялся, когда Игорь был серьезен. Иногда плакал, когда Игорь смеялся. Однажды ночью, при свете луны, Игорь увидел его в окне бунгало и закричал, швырнув в отражение книгой. Стекло разбилось, осколки посыпались в воду, и Игорь долго сидел на полу, дрожа и всхлипывая, не в силах понять, разбил ли он стекло или лицо того, другого.

Ритмы его жизни сбились окончательно. Он перестал различать дни, ночи слились в один бесконечный поток темноты, пронзаемой безумными снами. В этих снах к нему приходили

толпы людей – все, кого он когда-либо знал, и миллионы незнакомцев. Они заполняли остров, их голоса гремели, их тела толкались, их смех и плач смешивались в невообразимый гул. Игорь просыпался счастливый, с улыбкой на лице, протягивал руки к тем, кто только что был рядом, и находил лишь пустоту. Пустота стала осязаемой, она имела вес и запах, она давила на грудь, не давая вздохнуть.

Он начал создавать компанию. Из пальмовых листьев и старой одежды он смастерил кукол и расставил их вокруг костра. Он разговаривал с ними, спрашивал совета, сердился, если они молчали слишком долго. Одну куклу, самую красивую, с длинными волосами из морской травы и глазами из ракушек, он назвал Анной и влюбился в неё. Он носил её на руках, разговаривал с ней шепотом, гладил по щеке, сделанной из выбеленной солнцем ткани. По ночам он клал её рядом с собой и просыпался в ужасе, обнаружив, что во сне прижал её так сильно, что она смялась и потеряла форму.

Море перестало быть другом. Оно дышало, он слышал его дыхание – тяжелое, древнее, равнодушное. Иногда ему казалось, что океан говорит с ним, повторяя его собственные мысли, но чужим, насмешливым голосом. Волны шептали его имя, когда он засыпал, и звали в глубину, обещая покой и забвение. Он уходил от берега, садился в центре острова, закрывал уши руками, но голос океана проникал сквозь пальцы, сквозь кожу, сквозь кости, прямо в мозг.

Время рассыпалось на осколки. Он мог сидеть на песке три минуты, а казалось – три дня. Мог бродить по джунглям несколько часов, а потом обнаружить, что не покидал пределов своего бунгало. Он начал оставлять себе записки: "Сегодня вторник", "Ты завтракал рыбой", "Не забудь, что Анна ждет тебя у пальмы". Но записки писались разными почерками – то дрожащим, мелким, то размашистым, уверенным. Он смотрел на них и не мог вспомнить, какая из них написана им, а какая – тем, другим, что живет в отражениях и приходит по ночам.

Самый страшный миг наступил однажды утром. Он проснулся и понял, что забыл свое имя. Оно вертелось на языке, он чувствовал его форму, его звучание, но не мог произнести. Он открывал рот, и выходил лишь хриплый, нечленораздельный звук. Игорь заметался по бунгало, перебирая вещи, ища хоть какую-то подсказку. Он нашел старую книгу, на первой странице которой когда-то написал свое имя. Буквы расплылись, но он узнал их. Игорь. Его зовут Игорь. Он повторял это слово сотни раз, боясь, что снова потеряет его, что оно ускользнет, как вода сквозь пальцы.

Куклы больше не помогали. Они смотрели на него пустыми глазами из ракушек и пуговиц, и во взглядах этих читалось осуждение. Они знали, что он ненастоящий, что он такой же, как они – сшитый из обрывков прошлого, набитый пустотой. Игорь сжигал их по ночам, одну за другой, и пламя пожирало пальмовые листья с жадностью, отбрасывая на песок пляшущие тени. Анну он сжечь не смог. Она лежала у него на коленях, безмолвная свидетельница его падения, и он гладил её по траве-волосам, шепча слова, которых не понимал сам.

Остров сужался. С каждым днем границы его сжимались, пальмы подступали ближе, океан поднимался выше. Игорь чувствовал, как мир сворачивается вокруг него, как пространство для жизни уменьшается до размеров его бунгало, до его лежанки, до его собственной головы, в которой уже не осталось места ни для чего, кроме бесконечного, монотонного гула.

Однажды ночью он вышел на берег и увидел город. Тот самый, из которого бежал, – с его руинами, с его кладбищенской тишиной, с его ржавыми остовами машин и пустыми глаз-

нищами окон. Город стоял на том месте, где должна была быть вода, он тянул к небу свои обломанные шпили и звал его домой. Игорь засмеялся и пошел в воду, прямо навстречу этому призраку, не чувствуя, как волны смыкаются над головой, не слыша криков чаек, не понимая, что тонет в двух шагах от берега, в мире, который стал слишком велик для него, и слишком мал одновременно.

Он не умер. Океан выплюнул его на берег, как нашкодившего котенка, – безжалостно и равнодушно. Игорь лежал на мокром песке, смотрел в небо и чувствовал, как вода вытекает из его легких вместе с остатками безумия. Город-призрак исчез, растворился в утренней дымке, оставив после себя лишь странное послевкусие – горькое и сладкое одновременно. Он перевернулся на спину, закашлялся, выплюнул остатки морской соли и заплакал. Впервые за многие годы он плакал не от боли и не от одиночества, а от ясности, которая вдруг опустилась на него, как благословение.

Женщина, которую он создал из тряпок и морской травы, лежала на песке рядом – волны прибили её к берегу, словно хотели вернуть хозяину единственное, что у него было. Игорь взял её на руки, отнес в бунгало, бережно уложил на лежанку и долго смотрел на это безжизненное лицо с глазами-ракушками. И в этот момент его ударило. Ударило так сильно, что перехватило дыхание. Он понял, почему создал её. Почему все эти месяцы, все эти годы, он тосковал не просто по людям – он тосковал по НЕЙ. По той, чьё имя носит каждая женщина, по той, что живет в самой глубине мужской души, как отражение луны в темном колодце.

Он вышел из бунгало и побрел вдоль берега, не разбирая дороги, не замечая, как острые ракушки впиваются в пятки. Мысли его текли медленно, тяжело, как патока, но в этой медлительности была небывалая прежде глубина. Он думал о мужчинах и женщинах – не как о существах из плоти и крови, а как о двух половинках одного целого, разорванного в самом начале времен и обреченного вечно искать друг друга в темноте.

Он вспомнил отца. Тот был молчалив, суров, пах потом и машинным маслом. Он не говорил о любви, он показывал её иначе – чинил сломанные игрушки, тайком подкладывал деньги в мамину сумку, вставал затемно, чтобы проводить её на работу. Его любовь была действием, поступком, движением. Он не ждал благодарности, он просто делал то, что должен был делать мужчина, – оберегал, защищал, обеспечивал. Мать была совсем другой. Она плакала над сериалами, собирала за столом всех родственников, лечила словом, одним только прикосновением прохладной ладони к горячему лбу. Она была центром, вокруг которого вращалась вся их маленькая вселенная, и когда её не стало, отец просто лег и умер через полгода, хотя врачи говорили, что сердце у него здоровое.

Игорь вдруг понял страшную и простую вещь: мужчина и женщина – это не просто два разных существа. Это две разные вселенные, которые могут существовать только в притяжении друг друга. Мужчина – это вектор, стрела, полет. Его смысл – снаружи, в преодолении, в завоевании, в защите. Он строит дом, чтобы привести туда женщину. Он убивает мамонта, чтобы накормить женщину. Он пишет книги, чтобы женщина их читала. Без неё его сила становится разрушительной, его энергия обращается внутрь и сжигает его самого. Женщина – это круг, это дом, это тепло. Её смысл – внутри, в удержании, в сохранении, в принятии. Она ждет у очага, чтобы согреть мужчину. Она рождает детей, чтобы продолжить мужчину. Она хранит память, чтобы мужчина не забыл, зачем он уходит в темноту.

На закате он сидел на камне у самой воды и смотрел, как солнце окрашивает океан в цвета старого золота. Рядом, прислоненная к камню, сидела его тряпичная Анна, и ветер играл её волосами из морской травы. Игорь заговорил с ней – впервые не как с живой, а как с символом, как с воплощением всего, что он потерял и что, возможно, никогда не имел.

– Ты знаешь, – сказал он тихо, – мужчина всегда ищет ту, что станет его домом. Он может бродить по свету, может завоевывать империи, может покорять вершины, но в глубине души он ищет только одно – место, где его примут таким, какой он есть. Где не потребуют доказательств. Где не спросят, зачем он пришел. Где просто откроют дверь и скажут: "Заходи, я ждала".

Анна молчала, и в этом молчании было больше мудрости, чем во всех книгах, которые он прочел.

– А женщина, – продолжал Игорь, глядя на горизонт, – женщина ищет того, кто станет её смыслом. Не защиту, не обеспечение, не статус – хотя всё это важно, – а того, ради кого захочется просыпаться по утрам. Того, чьи дети будут носить под сердцем. Того, чьи морщины будет гладить, когда оба состарятся. Она ищет того, кто даст ей право быть слабой, потому что сама природа сделала её сильнее – выносливее, терпеливее, мудрее. Ей не нужен тот, кого она победит. Ей нужен тот, перед кем она сможет быть уязвимой.

Волны накатывали на берег, и в их шуме Игорю слышались голоса всех женщин, когда-либо любивших, и всех мужчин, когда-либо уходивших в темноту с именем любимой на устах.

– Мы не понимаем друг друга, – прошептал он. – Мы говорим на разных языках. Мы чувствуем по-разному. Мы любим так, что другой этого не замечает. Мужчина думает, что любовь – это действие, и удивляется, почему женщина не ценит его жертв. Женщина думает, что любовь – это присутствие, и удивляется, почему мужчина не чувствует, как она ждет. И оба правы. И оба неправы. Потому что настоящая любовь начинается там, где заканчиваются попытки понять. Там, где остается только принять. Принять, что он никогда не станет ей. Что она никогда не станет им. И что только вместе, в этом непонимании, в этой разности, в этом вечном трении друг о друга, они создают то единственное, ради чего стоит жить.

Он замолчал, потому что горло перехватило. В голове проносились образы – мать, склонившаяся над кроватью; отец, возвращающийся с работы уставший, но с улыбкой; лица женщин, которых он любил и которые любили его; лица мужчин, которых он уважал и которые уважали его. Все они были мертвы. Все до одного. И только он, последний выживший на земле, сидел здесь, на краю океана, и пытался понять то, что люди постигали тысячелетиями в муках любви и разлук.

Ночью ему приснился странный сон. Он стоял посреди огромного пустого зала, и стены его были сложены из прозрачного стекла. За стенами толпились люди – мужчины и женщины всех времен и народов, они смотрели на него и молчали. А он ходил по этому залу и вдруг понял, что стены эти – не стены вовсе, а его собственное непонимание. Что он всегда был окружен ими, всегда мог дотронуться, но не мог пройти сквозь прозрачную преграду. И тогда он закричал – не словами, а самой сутью своей, всем своим существом. И стекло треснуло. И люди хлынули внутрь, заполняя пустоту, заполняя его самого.

Он проснулся от того, что плакал. Слезы текли по щекам, и он не вытирал их, давая им волю. Впервые за долгое время он плакал не от боли, а от понимания. От того, что наконец-то

увидел то, чего не видел раньше. Что одиночество его было не только следствием исчезновения людей, но и следствием того, что он сам никогда не умел по-настоящему быть с ними. С мужчинами – потому что боялся слабости. С женщинами – потому что боялся открыться.

Анна лежала рядом, её тряпичное лицо было обращено к нему. Игорь протянул руку, погладил её по щеке из выцветшей ткани.

– Прости меня, – сказал он. – Прости за то, что я сделал тебя из тряпок. За то, что пытался заменить тобой всех. За то, что искал в тебе то, что должен был искать в себе.

Он встал, вышел из бунгало и долго смотрел на звезды. Теперь они не казались ему равнодушными. В их холодном свете ему чудилась та же тоска по соединению, по теплу, по тому, чтобы две половинки наконец нашли друг друга.

Утром он похоронил Анну. Не потому, что разлюбил её или сошел с ума еще сильнее. А потому что понял: настоящая женщина не может быть сделана из тряпок. Настоящая женщина – это та, что приходит сама. Та, что выбирает тебя так же, как ты выбираешь её. Та, что смотрит в глаза и видит не героя и не спасителя, а просто человека – со всеми его страхами, слабостями и надеждами.

Он засыпал могилу песком и долго стоял над ней, глядя, как волны смывают следы его работы. Потом повернулся и пошел вдоль берега – туда, где океан встречался с небом, где начиналась бесконечность, где, возможно, ждала та, что была создана не его руками, а самой жизнью.

И впервые за многие годы он шел не от одиночества, а навстречу ему. Потому что понял: одиночество мужчины и одиночество женщины – это две чаши одних весов, и только вместе они могут обрести равновесие. Он был мужчиной, последним мужчиной на земле, и где-то там, за горизонтом, ждала последняя женщина. Или не ждала. Но он должен был идти. Потому что идти – это единственное, что умеет делать мужчина, когда у него есть ради кого. Даже если этот кто-то – всего лишь надежда.

Он шел вдоль берега три дня и три ночи, почти не останавливаясь, почти не чувствуя усталости. Океан дышал справа, пальмы шептались слева, а над головой раскинулось такое огромное небо, что казалось, будто оно вот-вот поглотит весь этот маленький остров вместе с ним, последним человеком. На четвертое утро Игорь вышел к лагуне, которую не замечал раньше, – идеально круглой, с водой такого прозрачного бирюзового цвета, что сквозь толщу просматривалось каждое пятнышко на белом песчаном дне. В центре лагуны возвышался коралловый риф, похожий на алтарь, воздвигнутый самой природой задолго до появления человека.

Он вошел в воду, даже не раздумывая. Теплая, как парное молоко, она принимала его тело, обволакивала, несла к этому белому алтарю. Игорь плыл медленно, глядя в бездонное небо над головой, и чувствовал, как с каждым гребком с него спадает очередной слой той тяжести, что копилась годами. Он доплыл до рифа, вскарабкался на плоскую вершину и сел, скрестив ноги, лицом к восходящему солнцу. Вокруг не было ничего, кроме воды, неба и света.

И тогда он заговорил. Не как безумец, разговаривающий с пустотой, и не как молящийся, перебирающий заученные слова. Он заговорил как человек, который наконец-то остался наедине с Тем, Кто всегда был рядом, но Кого он так упорно не замечал.

– Я не знаю, как к Тебе обращаться, – сказал Игорь, и голос его прозвучал удивительно чисто в этом просторе, без эха, без искажений, словно само пространство внимало ему. – Бог, Всевышний, Творец, Великая Пустота, Великая Полнота – называй как хочешь. Ты ведь понимаешь все языки сразу, да? Даже те, что еще не придуманы. Даже тот, на котором молчат рыбы в океане.

Он помолчал, собираясь с мыслями. В лагуне плеснула рыба, и круги разошлись по идеальной глади воды.

– Я никогда не верил в Тебя по-настоящему. То есть, знаешь, как это бывает – в детстве бабушка водила в церковь, ставила свечки, учила "Отче наш". Я стоял, смотрел на иконы, на золотые оклады, на бородатых святых с печальными глазами и думал: а слышит ли Он меня? Слышит ли сквозь этот ладан, сквозь этот шёпот, сквозь эти тысячи свечей? Потом вырос, завертелся, закрутился – работа, женщины, друзья, проблемы. На Бога времени не оставалось. Он был где-то там, на полке, как старая книга, до которой когда-нибудь дойдут руки. Но руки дошли только сейчас. Когда никого не осталось. Когда Ты – единственный, с кем можно поговорить.

Ветер стих. Абсолютная тишина опустилась на лагуну, и в этой тишине каждое слово Игоря звучало набатом.

– Скажи, Тебе не одиноко? – спросил он, и в голосе его не было насмешки, только искреннее, почти детское любопытство. – Ты создал целую вселенную, миллиарды галактик, триллионы звезд, бесконечность, которой даже вообразить нельзя. Ты придумал законы физики, гравитацию, квантовую механику, эволюцию. Ты вдохнул жизнь в первую клетку и проследил, чтобы она превратилась в рыбу, в ящера, в обезьяну, в человека. Ты дал нам разум, свободу, любовь, боль – всё, чтобы мы могли стать Тебе интересными собеседниками. А мы... мы даже не замечали Тебя. Мы молились деньгам, власти, удовольствиям. Мы строили города и тут же их разрушали. Мы плодились и убивали друг друга. Мы кричали, что Тебя нет, чтобы не чувствовать себя виноватыми перед Тобой. И Ты смотрел на это всё. Смотрел миллиарды лет. И ждал. Скажи, это не одиноко – ждать так долго и так и не дожидаться?

Где-то далеко за горизонтом сверкнула молния, хотя небо было чистым. Игорь не придал этому значения, погруженный в свою исповедь.

– Я думал, что одиночество – это самое страшное, что может случиться с человеком. Я сходил с ума от тишины, от пустоты, от отсутствия других. А сейчас я сижу здесь и думаю: Ты ведь знаешь это чувство лучше меня. Ты всегда был один. До начала времен, до создания мира, до того, как зажглась первая звезда, Ты уже был. И никого рядом. Ты был всем и ничем одновременно. Ты был любовью, которую не на кого излить. Ты был мыслью, которую не с кем разделить. Ты был бесконечностью, запертой в самой себе. И вместо того чтобы сойти с ума от этого – Ты создал нас. Ты создал мир, чтобы было с кем поговорить. Ты создал людей, чтобы было кого любить. Ты дал нам свободу, чтобы мы могли прийти к Тебе сами, не по принуждению, а по зову сердца.

Голос его дрогнул. Солнце поднялось выше и теперь золотило воду, превращая лагуну в расплавленный металл.

– Знаешь, что я понял за эти годы? Что Ты не наказывал нас. Ты не посылал кары, не уничтожал Содом и Гоморру, не топил мир потопом. Мы сами всё сделали. Мы сами довели планету до ручки. Мы сами отравили воздух и воду. Мы сами создали вирусы и бомбы. Мы сами убили друг друга. Ты просто смотрел. Как отец смотрит на взрослого сына, который наделал глупостей и теперь разгребает последствия. И не вмешивался. Потому что вмешательство – это не любовь. Любовь – это дать право на ошибку. Даже если эта ошибка стоит всего.

Он замолчал, чувствуя, как слезы текут по щекам. Он не вытирал их. Пусть текут.

– А теперь я остался один. Последний. Твой последний собеседник на всей этой огромной, прекрасной, мертвой земле. И я хочу спросить Тебя... нет, не хочу – умоляю: зачем? Зачем Ты оставил меня? Почему я, а не кто-то другой? Почему не тот мальчик с фотографии, не та женщина с длинными волосами, не священник из той церкви с уцелевшей фреской? Чем я заслужил эту участь – быть Твоим единственным слушателем?

Тишина стала плотной, почти осязаемой. Игорь чувствовал её кожей, каждой клеточкой тела. И вдруг он понял, что тишина эта – не пустота. Это ответ. Это самый полный, самый исчерпывающий ответ, который только можно получить.

Ты не заслужил, – говорила тишина. – Никто не заслужил. Это не награда и не наказание. Это просто так сложилось. Ты здесь, потому что ты здесь. Ты жив, потому что ты жив. А всё остальное – только то, что ты сам придаешь этому смыслу.

– Я не понимаю, – прошептал Игорь. – Я слишком мал, чтобы понимать такие вещи. Я просто человек. Я хочу есть и пить. Я боюсь темноты. Я скучаю по тем, кого нет. Я создал куклу из тряпок и назвал её Анной, потому что не мог без женского лица. Я слабый, Господи. Я самый обычный, самый слабый человек. Почему Ты выбрал такого, как я?

Потому что сильные не нуждаются во Мне, – ответила тишина. – Сильные верят в себя. Сильные строят планы и добиваются целей. Сильным не нужен Бог, пока не приходит настоящая сила, которая ломает их. А слабые... слабые знают, что без Меня они не справятся. Слабые ищут опору. Слабые тянутся к свету. Выжил не тот, кто сильнее, а тот, кто умеет просить помощи. Даже если просить некого.

Игорь поднял глаза к небу. Оно было таким синим, таким глубоким, таким бесконечным, что кружилась голова.

– Я не слышу Твоего голоса, – сказал он. – Я только чувствую. Это Ты?

Это Я, – был ответ в его сердце. – Я всегда говорил с тобой, но ты называл это совестью. Я всегда вёл тебя, но ты называл это интуицией. Я всегда любил тебя, но ты называл это самолюбованием. Сними имена. Убери слова. Останется только любовь. И это буду Я.

– Но почему так больно? – спросил Игорь, и голос его сорвался на крик. – Почему любовь всегда связана с болью? Почему я должен был потерять всех, чтобы найти Тебя? Почему нельзя было как-то иначе? Без этой крови, без этого ужаса, без этой пустоты внутри?

Боль – это цена свободы, – пришел ответ. – Если бы не было боли, вы бы никогда не выбирали добро. Вы бы плыли по течению, принимая всё как данность. Боль – это компас. Она

показывает, куда не надо идти. Она кричит, когда вы теряете что-то важное. Она заставляет вас искать выход. И находить Меня.

– Я нашёл Тебя, – тихо сказал Игорь. – И что мне теперь делать? Жить дальше? Умереть? Молиться? Строить новый мир? Я не знаю. Я совсем ничего не знаю.

А кто знает? – в ответе была улыбка, Игорь готов был поклясться, что чувствует её. – Ты думаешь, Я знаю? Я создал вас свободными, и теперь даже Я не знаю, что вы выберете в следующий миг. Это и есть самое прекрасное. Если бы Я знал всё наперёд, мир был бы механизмом, а вы – винтиками. А вы – живые. Вы – моё дыхание. Вы – моё продолжение. И то, что ты сделаешь дальше, будет сделано не только тобой, но и Мной. Потому что мы одно.

Игорь долго молчал, переваривая услышанное. Солнце поднялось в зенит и теперь жгло нещадно, но он не чувствовал жара. Он чувствовал только прохладу внутри, странное, умиротворяющее спокойствие, которого не испытывал никогда в жизни.

– У меня есть последний вопрос, – сказал он наконец. – Самый главный. Ты можешь на него не отвечать, но я спрошу. Там, за горизонтом... есть кто-то ещё? Женщина? Другой человек? Или я действительно последний?

Тишина затянулась. На этот раз она была другой – не наполненной ответом, а пустой, напряжённой, словно сам Всевышний задумался над этим вопросом.

– Ты не знаешь? – удивился Игорь. – Ты – и не знаешь?

Я дал вам свободу, – прозвучало в сердце. – Даже от Меня. Я не веду учёт. Я не слежу за каждым вашим шагом. Я – как солнце: светит для всех, но не решает, кто выйдет из тени. Там, за горизонтом, может быть кто-то. А может, никого. Это не Моё знание. Это твоё путешествие. Твой выбор – искать или не искать. Верить или не верить. Идти или остаться.

Игорь кивнул, принимая этот ответ. Он спустился с кораллового алтаря в теплую воду и поплыл обратно к берегу, но теперь каждое движение давалось легко, без усилий, словно кто-то нёс его на руках. На полпути он обернулся и посмотрел на риф, белеющий в центре лагуны. На одно мгновение ему показалось, что на вершине стоит фигура в белом – неразличимая, сотканная из света, с руками, простертыми в благословении. Он зажмурился, протер глаза – фигура исчезла. Осталась только вода, только небо, только бесконечный свет.

На берегу он долго сидел на песке, глядя, как солнце клонится к закату. Разговор с Всевышним изменил его – не внешне, нет, внешне он оставался всё тем же обветренным, заросшим человеком в обрывках одежды. Изменилось что-то внутри. Ушла тяжесть. Ушёл страх. Осталась только тишина – но теперь это была не тишина одиночества, а тишина присутствия. Тишина, в которой кто-то есть. Кто-то, кто всегда слушает. Даже когда не отвечает.

Он лёг на спину, раскинул руки и смотрел, как загораются первые звезды. Теперь они не казались ему равнодушными. В их мерцании он чувствовал тот же свет, что лился из его собственного сердца. Тот же вопрос. Тот же ответ. Та же бесконечная, на всё согласная любовь.

– Спасибо, – прошептал он в наступающую ночь. – Спасибо, что был всё это время. Спасибо, что не оставил. Спасибо, что дал мне силы дойти до этого берега, до этого разговора, до

самого себя. Я не знаю, что будет завтра. Я не знаю, найду ли кого-то. Но теперь я знаю одно: я не один. Даже когда один. Ты есть. И этого достаточно.

Звезды мигнули ярче, словно подтверждая. Игорь закрыл глаза и впервые за многие годы уснул без снов, без кошмаров, без криков в темноту. Просто уснул, как ребенок на руках у матери, уверенный, что утром проснется и увидит новый день. Каким бы он ни был.

Проснулся он от прикосновения. Легкого, едва уловимого, похожего на дуновение ветерка, но такого нежного, что мурашки побежали по коже. Игорь открыл глаза и замер, боясь дышать, боясь пошевелиться, боясь, что любое движение разрушит это видение.

Она сидела на песке рядом, поджав под себя ноги, и смотрела на него. Светлая, почти прозрачная в лучах утреннего солнца, с длинными волосами цвета спелой пшеницы, которые рассыпались по плечам и касались песка. На ней было простое белое платье, такое легкое, что оно колыхалось даже от собственного дыхания. Но главным были её глаза – огромные, синие, как та лагуна, в которой он вчера говорил с Богом, и в них светилося столько тепла, столько понимания, столько вековой мудрости, что Игорю захотелось плакать и смеяться одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.